

Аня Солнечная

Маленький секрет КЭТТИ

Аня Солнечная
Маленький секрет Кэтти

«Автор»

2026

Солнечная А.

Маленький секрет Кэтти / А. Солнечная — «Автор», 2026

Тревожно - психологический роман. Нет ничего хуже для ребёнка, чем быть отвергнутым своей семьёй. Это на собственном опыте пришлось испытать Кэтти: в один чудовищный день родители отказываются разговаривать с ней в качестве наказания. Но у Кэтти есть маленький секрет, который перевернёт с ног на голову привычную размеренную жизнь семьи

© Солнечная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	6
2	8
3	12
4	14
5	18
6	21
7	25
8	27
9	32
10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Аня Солнечная

Маленький секрет Кэтти

- Нэнси, ты спишь?
- Да.
- А я не могу уснуть. Мне так грустно. И так одиноко. Очень плохо. И дождь по крыше тарбанит. От него еще хуже делается. Как будто внутри что-то надувается и вот-вот лопнет.
- Я хочу спать.
- Прости, что я тебя отвлекаю. Но мне так хочется с кем-нибудь поговорить, а рядом никого. Как будто всем наплевать на меня. Понимаешь?
- Нет.
- Прости меня, Нэнси, прости. Я больше не буду тебе мешать. Спи, малышка.

1

За старым садом, в котором росли не только плодовые деревья, корявые и уродливые, как чудища из детских сказок, находилась широкая лужайка. Летом отец семейства регулярно косил ее с помощью дребезжащей тележки с колесиками, отчего стекла окон ближайших домов тряслись и звенели. Иногда он вызывал на помощь мальчишку Шелдона, сына местного почтальона, которому всегда требовались деньги на чипсы и сигареты. И Шелдон с «нескрываемым» удовольствием одалживал газонокосилку соседа, новую, с контейнером для сбора срезанной травы и листьев. Обычно сын почтальона справлялся с лужайкой за сорок минут. Отец же посвящал этому занятию добрую половину дня. Сначала он доставал свой тарантас из сарая, находившегося в отдалении от остальных зданий. Можно было подумать, что сколоченную наспех постройку специально соорудили так, чтобы в ней вечерами могли собираться криминальные элементы района. Там бы их точно никто не обнаружил. Но отцу нужно было где-то находить уединение и покой, а заодно хранить садовый инвентарь, ведь он был ярким фанатом клумб, грядок, альпийских горок, цветников, парников. Так что сначала мужчина не спеша выволакивал темно-красную газонокосилку с слегка погнувшейся ручкой, протирал ее тряпкой, проверял исправность основного ножа и бензобака. Потом наливал бензин, потом вытаскивал тачку для скошенной травы, убеждался в надежности колеса и ручек управления, потом приносил из сарая грабли... Словом, все эти манипуляции могли довести до белого каления кого угодно.

Девочки пару раз пробовали помогать отцу в кошени лужайки, но они постоянно везде лезли, крутились под ногами, баловались, хохотали, хватали ведра и лейки, кидались травой. Им становилось скучно от отцовских рассуждений по поводу чистоты ножа и правильной постановки пальцев на рукояти. Он сердился, они расстраивались и начинали ныть. Особенно младшая Нэнси. Ей было всего пять, и ее невозможно было унять. Она была гиперактивной, капризной, шумной, постоянно требовала внимания. А еще самостоятельной до безобразия. Нэнси могла уйти, если хотела, в любом нужном ей направлении, никого не предупредив. Ее не смущали ни высота, ни ширина, ни глубина. Если была потребность, маленькая шкодница лезла куда заблагорассудится, не подумав и секунды, что с ней будет потом.

Старшая Кэтти, напротив, была чересчур опаслива и рассудительна, и необоснованно тревожна. Нельзя брать шоколад без спроса – живот обязательно заболит. Нельзя бегать по дороге – можно упасть и попасть в больницу. Или машина сойдет, или велосипед, или самокат. Нельзя кататься на качелях полчаса кряду – голова закружится, упадешь в обморок, получишь сотрясение мозга, впадешь в кому и останешься инвалидом. Мама частенько просила старшую приглядеть за младшей, и Кэтти хорошо справлялась. Однако следить за маленьким чертенком было то еще приключение. Кэтти нравились ответственность, которую на нее возложили, и доверие, которое ей оказали.

Кэтти было девять, она ходила в школу и на кружок рисования. Учительница, правда, считала, что особого таланта у девочки нет, но усердия и прилежания – хоть отбавляй. Поэтому продолжала заниматься с Кэтти и иногда вывешивала ее работы на стенд почета.

Нэнси же, напротив, ничем не увлекалась. Разве что путешествиями по разным местам и играми с другом Томом, который был похож на Нэнси по характеру как две капли воды.

В тот солнечный теплый вечер Нэнси и Том гонялись по лужайке друг за другом и залиристо смеялись. В руках у девочки было зеленое незрелое яблоко, слегка подгнившее с одной стороны. Она нашла его в саду еще до игры в догонялки и теперь раздумывала, сможет ли попасть по спине Тома или нет. Яблоко улетело далеко в сторону, мальчик сбежал, оставшись довольным своей проворностью.

– Что, съела? Косяя! – закричал он, гордо задрав курносый нос.

– А ты глупый, – Нэнси внезапно решила прекратить бессмысленную беготню, тем более что под деревом, которое стояло с краю лужайки, она только что видела серо-голубые грибы. Несколько раз девочка наблюдала, как мама готовит грибы, и даже пробовала их с картофелем в белом сметанном соусе. И по воспоминаниям это было обалдеть как вкусно. Поэтому, бросив на произвол судьбы Тома с его воплями, Нэнси зашагала по направлению к дереву. Огромных размеров поганки поразили ее своими шляпками и юбочками. Девочка сняла с головы панамку, в которую мама зачем-то нарядила ее днем, и стала собирать грибы.

– Что делаешь? – Том подошел сзади и стал следить за подругой.

– Грибы собираю. Что, не видишь? – Нэнси рассердилась. Она еще не отошла от своей неудачи с яблоком. Чего доброго, он тоже захочет собирать, и тогда ей меньше достанется.

– Зачем? Они ядовитые. Их нельзя есть, – Том все не уходил, только тер свой курносый нос грязными руками, отчего лицо его украсили темные полосы.

– Откуда тебе знать? – Нэнси подняла панамку с поганками, но не удержала, и половина грибов высыпалась в траву. – Видишь, это все из-за тебя!

Попытавшись поднять, девочка переломала тонкие грибные шляпки, и они крошками остались лежать в густой траве. Нэнси насупилась, крепко схватила панамку как кулек и побежала в сторону дома.

Мама сидела на скамейке под старой вишней и болтала с подругой по телефону. Она не заметила, как младшая дочь налетела на нее ураганом, с криками и плачем залезла на колени и липкими, гадко пахнущими руками впиалась ей в голову.

– Мама, он мне надоел. Пусть он уходит. Я не хочу больше с ним дружить никогда-никогда!

Женщина обняла дочь, чтобы та побыстрее успокоилась, и попросила объяснить, что произошло. С младшим ребенком у нее не очень получалось: Нэнси требовалось слишком много внимания, а ей так хотелось просто посидеть и попить чаю в одиночестве, или сходить на концерт, или выехать на барбекю чисто взрослой компанией, чтобы не пришлось постоянно быть настороже и следить, и успокаивать, и развлекать.

Том опасливо выглянул из-за дерева.

– Я ухожу домой, – сказал он сердито. – Мама пришла и зовет меня. Пока, Нэнси.

Нэнси на секунду высунула хитрую мордашку из длинных волос матери, но тут же снова нырнула обратно.

– А теперь объясни мне, что у вас произошло? И где Кэтти? Разве вы не играли вместе? Разве она не должна была за тобой следить?

2

Вечером за ужином мама была серьезнее обычного, словно утомилась дневными заботами. А потом, будто между прочим, сообщила девочкам, что завтра они идут с Джейн в зоопарк.

Джейн была племянницей отца девочек, ей было семнадцать. Она не горела желанием возиться с малышкой, но тут почему-то предложила им прогуляться. Единственным условием было отсутствие взрослых, что вызывало некоторые подозрения. Наверное, Джейн собиралась встретиться в зоопарке с парнем без свидетелей. А поскольку родители ее держали в строгости, она выдумала хитроумный план. Вроде и сестричек прогулять, побыть полезной и услужливой, а с другой стороны – молодость есть молодость.

Нэнси чересчур оживилась. Она вертелась на стуле, сучила ногами и без умолку тараторила, и сыпала вопросами. Где находится зоопарк, кто там живет, а почему звери в клетках и могут ли ее посадить в клетку, если она начнет рычать и скалиться. Так что отец забрал свою кружку и тарелку с бутербродом и демонстративно удалился в кабинет. Сейчас он работал над новым фантастическим романом «Посланники из будущего», и процесс шел туго. Нужно было поднажать, так как рукопись ждали к середине октября. А вокруг, как назло, все кому не лень заделались писателями. И писали в основном фантастический бред: про воображаемые миры, волшебников с дюжинами дюжин учеников, про тварей, монстров, зомби, улетающих на звездолетах в открытую галактику, вирусы, пришельцев, обитающих в недрах канализации.

Когда за отцом неожиданно громко захлопнулась дверь, в доме воцарилась секундная тишина. А затем все снова зажили обычной жизнью.

– Не волнуйся, Нэнси, – успокаивала Кэтти сестру, пока они лежали в кроватях вечером. – В зоопарке тебе понравится. Там никто не ругается, если ты бегаешь или громко смеешься. И есть много разных животных. К сожалению, их нельзя гладить, но можно купить морковку или галеты в автомате и покормить лошадку. Или ослика. Ты любишь осликов?

– Нет. Они вонючие, – сморщилась Нэнси.

– Там в отдельном вольере сидят курочки, и их тоже можно покормить зерном. Они очень смешно клюются, если протянуть им семечки на ладони.

– Курицы – это другое дело, – согласилась Нэнси.

– Но ты должна мне обещать вот что. Джейн вряд ли будет за нами следить, пока мы будем гулять. Пожалуйста, не убегай. Потому что иначе мы тебя не найдем и ты потеряешься в зоопарке. И на ночь тебя могут запереть где-нибудь по ошибке. А это очень страшно – провести ночь в зоопарке в одиночестве. Обещаешь?

– Обещаю, – прошептала Нэнси. Ее глаза блестели в темноте.

* * *

Наутро Джейн явилась раньше оговоренного времени при полном параде, приняв предварительно ванну из духов, что в очередной раз вызвало у родителей девочек подозрения.

– Куда это ты так нарядилась? – процедил отец, открыв племяннице дверь. Он не любил внеплановые мероприятия. Жизнь должна идти в четко установленном режиме, а иначе кругом творится бардак.

– Хотела понравиться девочкам, – солгала Джейн. Она наивно наморщила нос, чтобы казаться проще и глупее, но окружающим было все равно. Главное, что она изъявила желание погулять с кузинами и немного разгрузить утомленных взрослых. А что за бредовые мысли у нее в голове – не их проблема.

Мама на кухне собирала детям в дорогу бутерброды и фрукты.

– Я прошу надолго не задерживаться, и проследи, пожалуйста, чтобы перед едой девочки вымыли руки, – сказала она ласково племяннице, когда та уселась со стаканом ледяной воды за стол. – Я дам вам денег на сахарную вату или карусели, или что вы там еще придумаете.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо, – Джейн нехотя взяла нелегкую полотняную сумку из рук матери, осознавая, что теперь ей целый день придется таскаться с поклажей. А может, и не целый. В любом случае, это мелочь по сравнению с «бонусом» от прогулки.

Через десять минут Кэтти и Нэнси стояли перед входной дверью в изящных туфлях и голубых платьях в мелкий белый цветочек – мать специально заказала у портнихи праздничные наряды из одинаковой ткани. Кэтти была красиво причесана, ее светлые волосы аккуратно заплели в косу-колосок вокруг головы. А Нэнси презирала расчески и любые заколки, поэтому она надела старую отцовскую бейсболку, на которой был вышит разинувший пасть медведь. Ей показалось уместным подчеркнуть, что она не боится медведей.

Когда все попрощались, мать с облегчением закрыла за детьми дверь. Нечасто ей удавалось провести день в одиночестве и тишине. Поначалу она предложила мужу сходить прогуляться, но он сообщил, что клумба с цинниями сама себя не прополет и романы сами себя не напишут, так что гулять они пойдут в лучшем случае в конце октября.

Ничего страшного, она сама в состоянии себя развлечь. Книга о маньяке не читана, ногти не покрашены, фильм про модельера из глухой деревни не просмотрен, маска на лицо не наносилась полмесяца, есть пара подруг, которые только и ждут, чтобы поболтать. И куча барахла в шкафу, которое давно пора отдать на благотворительность.

* * *

Тем временем девочки успешно уселись в автобус и покатали по веселым солнечным улицам, разглядывая небольшие магазинчики, невыспавшихся прохожих, мамочек с колясками, собачонок, поднимающих заднюю ногу на столбики вдоль дороги, и мужчин в костюмах, вонзивших взгляды в телефоны.

Нэнси трясла ногами и все крепче обнимала Пиглю – старую страшную куклу, с которой она практически не расставалась. За пару лет Пигля пережила многое: она падала, ныряла, исполняла цирковые номера, пугала галок. Чуть не сгорела в костре, лишилась половины волос и глаза, а также большого пальца на левой руке, потому что он мешал надевать на нее платье. И Нэнси его отгрызла.

Но Пигля была стойкой и неповторимой. Она принимала с Нэнси ванну и спала, собирала камни на пляже, рисовала и шлепала по лужам в ярко-голубых резиновых сапогах. И вот теперь в первый раз в жизни ехала в зоопарк.

Кэтти старалась не думать о предстоящей прогулке, потому что это усиливало ее тревогу. К горлу подкатывал неприятный ком, похожий на приступ рвоты, и сердце билось неестественно быстро, периодически пропуская удары. Джейн – не очень большой специалист в обращении с детьми, вряд ли у нее с собой есть пластырь или йод. Но Кэтти всегда держала в сумочке пластырь и йодную мазь в удобном тюбике, антибактериальные салфетки и специальный карандаш от мозолей. А еще жвачку от укачиваний. Главное, чтобы никто из диких зверей не вырвался на свободу, пока они будут гулять. Потому что тогда йодом и пластырем не помочь.

Джейн все время переписывалась с кем-то и только пару раз спросила у кузин, все ли в порядке, потому что Нэнси прилипла носом к окну, чтобы лучше рассмотреть огромную ворону, которая потрошила мышь на тротуаре.

Наконец автобус пересек широкий проспект, объехал старинную церковь и полицейский участок и остановился на длинной улице, которая шла в горку, без единого светофора. Девочкам предстояло выйти, свернуть во дворы и прошагать еще минут десять.

Джейн вела себя странно. Она то и дело озиралась и заглядывала в телефон в ожидании новых сообщений. Но вдруг ее лицо озарила сумасшедшая улыбка, так как из-за угла вышел Дик. Высокий, широкоплечий, с татуировкой на правом предплечье и улыбкой как у гангстера. И, конечно же, на нем были темные очки.

– Какой-то бандит! – громко сказала Нэнси, но в этот момент незнакомец подошел к ним, схватил Джейн за руку и поцеловал ее в щеку.

– Привет, красотки, – сказал он. – Ну что, идем гулять?

Кэтти знала, что старшие иногда ведут себя странно и надо принимать это как данность. Но Дик ей совершенно не понравился. Если бы он обратился к ней в магазине или на улице, она предпочла бы сбежать или позвать кого-нибудь на помощь. Разговаривать с посторонними было небезопасно.

– Ты кто вообще? – Нэнси, наоборот, пыталась познакомиться с незнакомыми сразу, чтобы потом можно было не волноваться.

– Я – друг Джейн и тоже собираюсь в зоопарк, – сказал парень с улыбкой, которая больше напоминала оскал.

– А у тебя есть билет? А тебя пустят в зоопарк в таком виде? А ты не боишься, что тебя запрут по ошибке в клетку с дикими зверями?

* * *

В парке было многолюдно: в хорошую погоду трудно усидеть дома и хочется развлечений. Поэтому, отстояв в очереди за билетами, компания вошла в огромные ворота и смешалась с толпой. Кэтти держала Нэнси за руку, так как решила, что сестрица сразу же предпримет попытку удрать. Но девочка безропотно шла рядом, сунув под мышку Пиглю и разглядывая огромные вольеры с животными. Джейн с Диком шли сзади и глупо смеялись. Он забрал у девушки сумку с провизией и теперь норовил схватить что-нибудь еще.

Возле вольера с медведем Нэнси остановилась и стала рассматривать хищника, который валялся кверху мохнатым пузом в лучах солнца.

– Почему он не рычит? – спросила Нэнси. – Он должен пугать всех, чтобы никто не подходил.

Ей страшно хотелось показать медведю, как должен вести себя настоящий грозный убийца, и поговорить с ним на медвежьем языке, но она побоялась, что ее могли бы отправить к нему, приняв за опасного зверя.

* * *

Осмотрев больше половины коллекции животных, компания решила передохнуть и усесться за столик в импровизированном уличном кафе. Дик предложил Джейн кофе, и она согласилась, Нэнси потребовала добавить два шарика мороженого: клубничного и шоколадного. Глупо было покупать один – все равно пришлось бы за добавкой бежать.

Пока приятель Джейн ходил за кофе, Кэтти с интересом рассматривала девушку. Что веселого обниматься с дядькой и хихикать, как дурочка, на любое его замечание? Он некрасивый, не веселый, от него пахнет сигаретами, но, к счастью, он не ругается неприличными словами в их присутствии, хотя у девочки были подозрения, что в других местах он с удовольствием говорит что похуже.

– Давайте обсудим, кому что понравилось сегодня? – неожиданно спросил Дик, когда они покончили с бутербродами. Нэнси, измазавшая лицо, волосы и половину стола мороженым, затруднилась ответить. По ее мнению, животные были ужасно грустными, их следовало выве-

сти погулять и дать им витамины. Она помнила о чудодейственном средстве, которое назначил доктор, когда она неделю подряд грустила и не хотела играть.

– А мне понравился волк, – сказал Дик, претендуя на крутость характера и взглядов.

– Тот самый облезлый, у которого не было половины хвоста? И в ухе сережка? – рассмеялась Нэнси.

– Он не облезлый! У него сейчас линька, – мужчина в мгновение ока сделался сердитым, всю веселость как ветром сдуло. – А половины хвоста у него нет из-за того, что он сражался со свирепым противником. С тигром из соседнего вольера. И победил.

Нэнси расхохоталась в голос.

– С этим толстым добряком? Он же мухи не обидит. Только спит и ест. И закапывает, когда... – Кэтти дернула сестру за руку. – А что! Это правда.

– Знаете, девочки, – очень серьезно начал Дик, – не пойти ли вам покататься на карусели? Там есть как минимум три вида.

– Чур я первая! – закричала Нэнси и молнией рванула в сторону каруселей.

* * *

Джейн потратила все деньги, что дала ей мать девочек. Дик тоже вложил, чтобы побыть с подружкой наедине. Кэтти уже мутило от кружащихся лошадок, самолетов и огромных кружек на блюдцах. А еще от музыки, которая орала из динамиков на каждом столбе одни и те же песни. Но Нэнси была неудовлетворена – ей хотелось еще.

– Можно я больше с ней не поеду? – жалостно спросила Кэтти. – Меня может стошнить.

Джейн нахмурилась: ей почему-то казалось, что отпускать младшую несносную девицу одну – плохая идея. Но Дик настоял – Нэнси уже совсем взрослая и в состоянии прокатиться один последний разок без надзора. Он лично усадил ее в карету, запряженную парочкой вороных лошадей с ярко-красными попонами и бантами, велел сидеть смирно и ушел.

Нэнси была счастлива. Только сидеть в карете ей не хотелось, поэтому она вылезла с другой стороны и пересела в черную машинку с круглыми фарами.

И, пока Кэтти рвало за деревом, а Дик и Джейн, ничего не замечая вокруг, болтали и обнимались, Нэнси неслась вперед на собственном автомобиле, счастливая и самостоятельная.

3

Поиски Нэнси длились уже двадцать минут. Дик и Джейн бегали по парку в надежде отыскать маленького чертенка, который каким-то чудом исчез с карусели в неизвестном направлении. Кэтти заставили сидеть рядом с аттракционом на лавочке, чтобы, если Нэнси все-таки вернется, ее было кому встретить. К тому же Кэтти тошнило – не стоило есть сразу бутерброд и два шарика мороженого и запивать холодной газировкой.

Но когда Джейн с красными щеками и выпученными от ужаса глазами вернулась к кухне, та все еще сидела одна, а Нэнси и след простыл. Дик позвал полицейского, который записал приметы девочки в блокнот, попросил скинуть ему фотографию ребенка и отправился на поиски, важно вышагивая и что-то бормоча в рацию на плече.

Если бы Кэтти чувствовала себя лучше, она бы впала в настоящую истерику. Еще утром у нее была сестра. А теперь – нет. Вероятно, Нэнси украли торговцы детьми и увезли ее в наглухо тонированном фургоне в пригород, чтобы перепродать. Или маньяк, которыми кишат города, явился в зоопарк в поисках наживы и увидел совершенно ничейного ребенка. Или Нэнси вернулась и полезла в объятия к медведю. Или упала с моста в речку, которая находится неподалеку. Могла же она перелезть через забор? Безусловно, могла.

Джейн вернулась через некоторое время и уселась рядом на лавочку, тяжело дыша.

– Это ужасно, – выдавила она и схватилась за голову. – Я так и думала, что добром это не кончится. Мелкая пакостница! Я бы ей всыпала от души!

И вдруг она увидела в кустах сирени около карусели знакомые очертания. Это была Пигля. На ней были носки и туфли Нэнси.

* * *

Спустя еще полчаса полицейский привел Нэнси к родным, босую, в мокром платье, с растрепанными волосами, но абсолютно невозмутимую. Ей было жарко и захотелось освежиться в фонтане. А поскольку Пигля с утра кашляла, девочка надела на нее носки и туфли и оставила ждать в кустах, чтобы ее не украли, потому что зоопарки кишат маньяками и охотниками за детьми. А потом Нэнси увидела монетки на дне фонтана. Они так привлекательно блестели в воде, что ей захотелось собрать их, ведь денег на дорогу домой у них не было. Но полицейский не разрешил унести мелочь и велел выкинуть обратно. А еще девочка ободрала ладонь, потому что один раз поскользнулась, но удержалась за бортик – эти фонтаны такие скользкие!

Дик стоял рядом, скрестив руки на груди. Не так он представлял себе этот день. Пока Джейн впихивала Нэнси в туфли и тщетно вытирала платком ее лицо, а Кэтти безучастно глядела вдаль, Дик отвел полицейского в сторону, что-то шепнул ему и удалился.

Домой девочек привезли на полицейской машине. Сирену, правда, не включили, несмотря на громкие просьбы Нэнси. Ей хотелось, чтобы все знали, что она – важная персона. Мама казалась бледной и ужасно злой. Она сухо попрощалась с Джейн и, хотя племянница пыталась что-то сказать, захлопнула перед ее носом дверь. Конечно, маме все уже объяснили полицейские. Конечно, сделали выговор, что не стоит отпускать двух маленьких детей без денег в компании не совсем взрослой барышни и подозрительного субъекта.

Девочек отправили спать без ужина, а мать закрылась в ванной и, кажется, завывала. Так сказала Кэтти сестре, когда вернулась ночью в комнату.

Наутро обстановка в доме стала чуть более спокойной. Кэтти ела крутое яйцо с поджаренным кусочком хлеба, так как после вчерашнего опасалась завтракать плотнее. Нэнси же пыталась донести до рта ложку с шоколадными хлопьями. Ее постоянно отвлекали рассказы о

вчерашнем дне. Как оказалось, ничего дурного в своем поступке она не находит. Все прекрасно знали, где ее искать. Когда она вышла с карусели, крикнула Джейн, что будет гулять около фонтана. Она всех предупредила. Она знала, что убежать плохо, и ее просили так не делать.

– Почему ты не следила за ней? – обратилась мать к Кэтти, отчего по спине девочки пробежали неприятные мурашки. – Джейн – понятное дело, у нее ветер в голове. Но ты-то куда смотрела?

Кэтти положила остатки яйца на блюдо и серьезно взглянула на мать. Она была готова заплакать. Она не справилась с единственной задачей, которую ей ставили. Как глупо Кэтти позволила себя уговорить на мороженое. Этот Дик, вместе с Джейн, не умеют обращаться с детьми, она же знала. Но все равно пошла у них на поводу.

– Мамочка, мне было очень плохо, – опустив глаза в пол, тихо сказала девочка.

– Ну не настолько, чтоб не увидеть, куда Нэнси пошла. Ты же не потеряла сознание. Ты сидела там. И вообще, как могло получиться, что Нэнси каталась одна, без тебя?

– Джейн разрешила ей, – пожалала плечами Кэтти, все еще не поднимая глаз. – А меня тошнило.

– Джейн ей не мать! Почему она решает, кому что можно? Меня вы не слушаетесь, а какую-то бестолковую Джейн – с радостью! Потому что она разрешает вам творить что хотите?! – мама кинула скомканную салфетку на стол и тут же растерла ей пятно от кофе. Губы ее сложились в отвратительную злую гримасу. – Почему тебя тошнило?

Кэтти знала, что, если сейчас расскажет про газировку, ее отругают за это. То же касается и мороженого. И долгих катаний на карусели. И уж точно влетит за все вместе, поэтому она молчала и сопела, не зная, какой вариант ответа будет более безобидным. На что мама рассердится меньше всего?

– Хватит молчать! – закричала женщина, отчего Кэтти вздрогнула. – Я кого спрашиваю? Говори сейчас же!

Но Кэтти не могла выдать ни слова. Ее снова замутило, теперь от переживаний и страха.

– Отправляйся в комнату. И чтоб я тебя до обеда не видела! – рассердилась мать.

Девочка побежала к себе и тихонько закрыла дверь. Она побоялась, что если сильно хлопнуть, прибежит рассерженный отец. Он всю ночь не спал из-за вчерашнего происшествия, что-то выяснял с родителями Джейн по телефону, а потом пытался дописать главу, где инопланетяне нападают на человеческий корабль. Но, сколько бы он ни пытался, инопланетяне убивали всех главных героев, а этого никак нельзя было допустить.

Кэтти залезла на табуретку и взяла с верхней полки коробку с куклой. Сложно представить, но эту милую барышню в лиловом платье с податливыми золотыми локонами подарили вместе с Пиглей в один день. Только Нэнси обращалась со своей игрушкой безобразно, а Кэтти свою берегла и очень боялась испортить. Она доставала куклу лишь иногда, когда на душе скребли кошки, гладила по волосам, прижимала к себе и рассказывала о своих горестях. А потом аккуратно складывала в коробку и убирала обратно в шкаф.

4

В обед отец выполз из кабинета, в котором царили полумрак и лютая стужа. Он специально выкручивал кондиционер на полную мощность, надевал толстый кардиган и усаживался в кресло работать. Девочкам строго-настрого запрещалось заходить в комнату, потому что можно было запросто схватить воспаление легких. Кэтти прежде не слышала о воспалении легких, но позже прочитала о нем в бабушкиной медицинской энциклопедии с картинками, которая стояла на нижней полке шкафа с остальными подобными книгами. И ее поразило, как быстро можно умереть, и как можно не почувствовать, что болен, и как болеют не только взрослые, но и грудные дети, которым несколько часов от роду. Поэтому кабинет отца был под строгим запретом.

Мать сварила картофельное пюре и сделала говядину с подливкой. Она знала, что Кэтти нездоровилось и что девочка до смерти любила это блюдо, поэтому со стороны матери такой поступок был способом помириться с дочерью. Она ни в чем не была виновата. В конце концов, она еще ребенок, пусть и старший.

Отец натирал вилки и ножи белым полотенцем, когда на кухню явилась Нэнси. Она вымыла нос и руки после прогулки, как ей велели. И оставила грязные калоши на крыльце, потому что там, где она лазала, было грязно, сыро и водились лягушки. Вероятно, она даже видела парочку издали. Нет, их несложно поймать, и прыгают они не так уж ловко. Особенно те, что помельче. Да, она посадила их в ведро из-под мороженого и отнесла Тому, чтобы он не сердился из-за их прошлой ссоры. Тем более, что карамельное мороженое – его любимое, значит, ему понравится и само ведро.

– Я хотела бы завтра поехать с Кэтти в магазин. Ей нужно новое осеннее пальто, а то не в чем будет ходить в школу, когда станет холодно, – тихо произнесла мама.

– Отлично! – обрадовался отец. – Поезжайте, а я наконец допишу главу, чтобы хоть что-то выслать издателю. Удивительно невыдержанный мужчина, все время кричит.

– Я хотела бы поехать только с Кэтти.

– Что это значит? – нахмурил брови отец.

Он уже мечтал, как допишет свою восьмую книгу. С каким трудом она далась ему. Труднее, чем все предыдущие вместе взятые. Но он пересилит лень и праздность, доделает начатое и получит гонорар. Это было самым приятным моментом, ведь аванс подходил к концу.

– Я хотела бы провести время с Кэтти вдвоем, а вы с Нэнси побудете пару часиков дома. Это несложно, – пробормотала себе под нос мать.

Она набралась решимости выйти в люди без постоянной необходимости быть начеку. С Нэнси было нелегко. Но дома, по крайней мере, у нее есть игрушки и занятия. К примеру, только что она отлично гуляла сама. Мать беспрестанно следила за ней из окна. Это не то же самое, что бегать по магазину с выпученными от ужаса глазами и звать дочь, одновременно пытаясь выбрать другому ребенку одежду. Кэтти подросла, и покупать обновки наобум стало невозможно.

Отец открыл было рот, чтобы возразить, но женщина мгновенно перебила его:

– Это и твои дети тоже, – тихо подчеркнула она.

Мужчина пожал плечами и промолчал. Он положил себе пюре с подливкой и уселся во главе стола.

– Тогда до завтра чтоб меня не тревожила ни одна живая душа.

Кэтти и Нэнси переглянулись. Обычно он бы уговорил маму отказаться от ее планов в угоду его делам. Но в этот раз все прошло настолько гладко, что казалось нереальным. Кэтти завтра едет с мамой в магазин. У них будет целый день вместе. Пусть не день, а всего пара часов, но только для них. Новое пальто – это мелочь по сравнению с удовольствием держать

маму за руку и болтать с ней, чтоб она не отвлекалась на Нэнси, на отца, на телефон, на беседы с почтальоном.

* * *

Утром погода была премерзкой. Дождь барабанил по окнам и стекал по водосточной трубе в черное пластиковое корыто, которое собирало воду для полива. Мама сидела в кресле, перелистывая книгу. Вчера она вынула закладку и забыла вложить обратно. А теперь решительно не могла вспомнить, где остановилась.

Кэтти хотела пару раз подойти и спросить, когда нужно будет собираться. Но по мамину лицу было понятно, что, видимо, долгожданная поездка не состоится. Нэнси сидела в детской. Наверное, совершала с Пиглей очередные зверства, которыми она иногда занималась. Кэтти никогда не позволяла себе подобного. Зачем портить хорошие вещи, которые могут послужить еще долгие годы?

Отец, воспользовавшись ситуацией, обосновался в кабинете и иногда покашливал. Наверное, работа спорилась, и крутой поворот сюжета увлек его в радости творчества. А может, он был на седьмом небе от счастья потому, что его оставили в покое.

Кэтти надоело наблюдать за горестным выражением на лице матери и слушать отцовские вздохи и кашель, и она направилась вверх, в детскую. Может, Нэнси согласится поиграть в «Следопытов» или в «Яблочко». Обычно она жульничала и прятала карты, но дом заволокла такая нестерпимая тоска, что хотелось плакать, забившись в угол.

– Никогда не надейся на взрослых, – как-то сказала девочке бабушка. У них с Кэтти были очень теплые доверительные отношения, когда бабушка была еще в силах и узнавала своих внуков и детей. – Взрослые наплетут с три короба, настроят планов – а ты и поверишь. А потом, когда до дела дойдет, они скажут с кислым видом: «Ну прости, не вышло». А ты расстроишься, потому что для тебя это было важно.

Сейчас Кэтти расстроилась на девять из десяти. Да что там, на все двенадцать. С тех пор, как родилась Нэнси, она никак не могла достучаться до мамы. Мама как будто все время находилась за стеклом. И чтобы что-то донести до нее, приходилось по нескольку раз повторять, махать руками и гримасничать. А теперь была чудесная возможность провести время вместе, тем более после ссоры, которая случилась у них из-за поездки в зоопарк.

Кэтти открыла дверь в детскую, и первое, что она увидела, была разорванная коробочка из-под куклы. На табуретку возле шкафа маленькая шкодница натащила детских книг, которые стояли за стеклом. Отец заставлял девочек мыть руки, прежде чем брать эти дорогие издания. И вот теперь ОНА вытащила их своими липкими грязными руками, кинула на старую расшатанную табуретку и влезла на них испачканными потными ногами. А потом ОНА взяла коробочку с самым дорогим подарком в жизни сестры, разорвала ее и бросила на пол.

Кэтти почувствовала, как сердце занимает всё ее существо, и от его стука по полу идут вибрации. Никогда в жизни она так не злилась! Обида за дождь, за несостоявшуюся прогулку, за мамино плохое настроение, за ссору после зоопарка, за разорванную коробочку, за все несправедливости жизни маленькой Кэтти неожиданно превратились в гнев страшной силы. Ей хотелось ломать и крушить все на своем пути и чтобы Нэнси обязательно получила по заслугам. Чтобы она наконец поняла, как нужно себя вести. Чтобы ей стало очень больно.

* * *

Младшая сестра в этот момент, ничего не подозревая, сидела у окна и терзала куклу Кэтти. Она помнила, что ее звали Анжеликой или Марианной. Очень длинное и некрасивое имя для куклы. Так же звали бабушку ее подруги с детской площадки. И бабка была страшной и

противной. Кожа на ее руках и шее висела дряблыми складками. Она вечно совала всем мятвые леденцы, хотя дети их терпеть не могли. А еще как-то раз она ела мороженое и ее верхняя челюсть застряла в нем, и липкие густые слюны, словно гирлянды, тянулись из беззубого рта – отвратительное зрелище.

Куклу можно было бы назвать поинтереснее – принцесса Бодбородка, например. Платье у нее было шикарное: лиловое с мелкими жемчужинами и кружевами на подоле. Нэнси сама бы носила такое с удовольствием – на нем не будет видно грязи, удобно залезть на дерево, потому что оно не такое длинное. И если испачкаются руки, их можно будет всегда вытереть – ткань очень приятная и плотная.

В этих мыслях Нэнси сидела на полу и пыталась завязать Анжелике или Марианне косичку на макушке. Но волосы были прелестно уложены в локоны и не слушались. Так что девочке ничего не оставалось, как зажать голову куклы между колен и продолжать вычесывать их маминой жесткой расческой.

Кэтти подлетела к сестре и с силой рванула куклу на себя за ногу.

– Это мое! – заорала она не своим голосом. – Какая же ты гадина! Берешь свои вещи и портишь, берешь чужое и портишь! Ты все время все портишь! Подлая гадина!

Нэнси сначала не поняла, откуда свалилось на нее это орущее всклокоченное существо, и чего от нее хотят. Но когда пальцы сестры вцепились в ногу куклы, девочка поняла ситуацию и не собиралась уступать. Ее учили, что прежде чем хватать из рук человека вещь, надо слаженным голосом сказать: «Дай, пожалуйста!», а уж потом можно делать что угодно. Кэтти не только не сказала «волшебных слов», но и произносила плохие слова, за которые наказывают.

– Ты что, взбесилась? – закричала Нэнси и вцепилась в волосы кукле мертвой хваткой. – Ты не сказала «пожалуйста»!

– Почему я должна у тебя просить МОЮ ВЕЩЬ? – еще громче завопила Кэтти. – Вечно тебе все разрешают и не ругают! А ты творишь что хочешь! Никого не слушаешься, берешь чужое без спроса! Отдай немедленно МОЮ КУКЛУ, дура!

Кэтти со злостью дернула куклу за ногу. Младшая сестра была меньше и слабее, к тому же держаться за волосы не так удобно. Но Нэнси предприняла последнюю попытку, и в этот момент игрушка с грохотом полетела на паркетный пол. Ее некогда прелестное фарфоровое лицо разбилось, а пряди волос так и повисли на пальцах Нэнси. Кэтти же беспомощно держала кукольную ногу в башмачке.

Кэтти закричала: бушующий гнев смешался с нестерпимой утратой любимой игрушки и теперь захлестнул девочку целиком. Она визжала так, что заложило уши. А Нэнси в свою очередь испугалась и выла, словно раненое животное.

Через мгновение послышались торопливые шаги на лестнице – это бежала мама. Отец никогда не выходил из кабинета, если слышал детские ссоры и плач. Его мало трогали их междоусобные разборки. Поплачут и перестанут.

Мама ввалилась в комнату, тяжело дыша. Ей показалось, что с такой скоростью она не бегала никогда в своей жизни. Даже когда в институтском дворе за ней гналась бездомная облезлая собака.

– Что случилось? – спросила она испуганно, но, увидев осколки кукольной головы на полу, с шумом выдохнула. Ей показалось, что девочки убивают друг друга, не иначе.

– Мамочка, я не специально, это не я, это не из-за меня, – захныкала Нэнси. Она понимала, что поступила плохо, и сейчас ее, вероятно, будут ругать. Но мама и не думала кричать или наказывать детей. Вместо этого она обняла их и поцеловала в пахнувшие кислым макушки. Слава богу, они живы и здоровы. Слава богу, никто не пострадал.

Кэтти взглянула в лицо сестре и опустила глаза. Ей не хотелось даже рядом стоять с этим варваром. Девочка знала, что младшую опять не накажут. Поэтому она уткнулась в мамину подмышку и стала ровно дышать, все еще всхлипывая.

– Знаете что? – сказала вдруг мама. – Мы сейчас уберемся здесь, наденем дождевики и резиновые сапоги и пойдем до магазина, а там купим кексы и шоколадные хлопья на завтрак. И крошечные зефирки.

Нэнси тут же успокоилась, вырвалась из маминых объятий и побежала в чулан за шваброй и совком. Поскольку она часто что-нибудь разбивала, крошила, рассыпала, мать купила ей ярко-красную швабру с короткой ручкой. Уборка – лучшая профилактика будущих безобразий, рассудила женщина. Но получилось ровно наоборот. Нэнси нравилась швабра, и она нарочно разбрасывала землю из цветочных горшков, макароны и сахар, потрошила мусорную корзину и ящики с конструктором, чтобы убраться.

Кэтти, воспользовавшись моментом, обняла маму двумя руками. Сейчас в мире не существовало никого, кроме них.

– Не переживай, милая, – прошептала мама. – Мы купим тебе новую куклу, еще красивее. Она ненарочно. Она еще маленькая.

5

Проливной дождь прекратился, но осталась противная морось, которая попадала в нос, стоило сделать вдох. Нэнси носилась по лужам и хохотала. Она страсть как любила повозиться в воде, особенно если можно было пробежаться и обрызгать все кругом. Кэтти же шла с мамой за руку: переживания измотали ее, и теперь она чувствовала себя уставшей и опустошенной. Даже обещание купить новую куклу не взбодрило. Она перестала сердиться на Нэнси – что толку. Анжелику мама аккуратно запихнула в изорванную коробку и унесла куда-то.

Они миновали овощную лавку и магазин товаров для рукоделия, который держала милая тихая старушка Какао Джонс. На самом деле ее звали Каролина, но дети знали о ее привязанности к горячему шоколаду, который появлялся у леди в руках в любое время дня и ночи, и дали ей милое прозвище. Нэнси любила этот магазинчик – столько разных штучек, которые можно часами перебирать, разглядывать, раскладывать по баночкам и коробочкам. Одни пуговицы чего стоят. А на день рождения папа купил ей здесь огромную коробку пластилина – двадцать четыре цвета, не шутка.

– Какое ты хочешь мороженое? – спросила мама, как будто ничего не случилось. Понятное дело, ей бы хотелось побыстрее выкинуть из головы происшествие и жить по-старому. Взрослые не могут расстраиваться из-за ерунды, потому что иначе не хватит сил на важное.

– Никакое, – Кэтти не обманывала. Ей действительно не хотелось есть.

– Я хотела тебя порадовать, – пожала плечами мама и отпустила руку Кэтти, так как они проходили мимо витрины и женщине нужно было поправить локоны, выбившиеся из-под капюшона дождевика.

Их окликнул почтальон.

– Куда это вы в такую погоду? – спросил мужчина. Его звали Лукас. Он был высоким и широкоплечим, с густыми светлыми волосами. А самое главное, он всегда улыбался, стоило ему увидеть девочек с мамой. Все считали его хорошим, порядочным человеком.

– Просто гуляем, – ответила мама и тоже улыбнулась. Невозможно сохранять хмурое выражение лица, если приятный тебе человек улыбается в ответ: дети учатся этому с младенчества.

– Если б не работа, я бы с удовольствием посидел дома, – почтальон пригладил торчащую из рубашки нитку. – Куда идете?

– В магазин, за кексами, – мама снова улыбнулась и провела по мокрым волосам рукой. Ей всегда нравился почтальон – он приносил посылки прямо домой, и ей не нужно было стоять в очереди на почте и заполнять кучу бумажек.

– Если вы не против, составлю вам компанию, – Лукас поправил ремень сумки и зашагал рядом.

Пока они шли по улице, мама мило болтала с почтальоном, не обращая внимания на детей. Улыбалась, шутила, рассказывала о своей нелегкой жизни затворницы. Лукас ничего не знал о быте домохозяек, потому что жена бросила его, когда их общему сыну Шелдону было три. С тех пор он жил без женского присутствия в доме.

Кэтти шла за ними, скептически поглядывая на Нэнси, которая нарезала круги по лужам. Неожиданно девочке захотелось домой – забраться в теплую постель и лечь спать, чтобы этот ужасный день поскорее закончился.

Пару раз мама поскользнулась на мокром тротуаре – у нее были очень скользкие резиновые сапоги – так она объяснила детям позже, – и Лукас заботливо поддержал ее за руку. Удивительно порядочный и хороший человек, а еще внимательный друг.

Когда продуктовый магазин оказался неподалеку, мать разрешила девочкам пойти одним внутрь, чтобы не торопясь выбрать кексы и любые другие сладости, которые они пожелают, а

сама осталась с Лукасом на улице кое-что уточнить. Оказывается, посылка с платьем, которое она заказала две недели назад, уже пришла и лежит на почте, только мужчина никак не мог ее принести. Нужно было забирать лично с документами и оплатить пересылку.

Итак, пока Нэнси, как полоумная, копалась в холодильнике с разными видами мороженого, нырнув в него с головой, а Кэтти бесцельно бродила между полок с печеньем, их мама болтала с почтальоном на улице. И снова чуть не упала – отвратительные сапоги! Хорошо, что Лукас оказался поблизости.

К вечеру погода наладилась, и Нэнси улетела в гости к Тому играть в конструктор, который бабушка подарила мальчику на предстоящий день рождения. Подразумевалось, что должен был получиться замок с башнями и подъемным мостом, но Нэнси не терпелось взглянуть на привидения, которые обязательно заведутся в замке, стоит лишь поставить стены. Они начнут выть, и Том испугается.

Кэтти сидела в неловком молчании за столом и ковырялась в спагетти, которые наспех сварила мама, как только они вернулись домой. Спагетти были полусырыми и прилипали к зубам. Отец выполз из кабинета с красными от усталости глазами, сделал себе бутерброд с копченой индейкой и сыром и теперь жадно чавкал, рассыпая крошки на глянцевую поверхность стола. Мама задумчиво пила кофе с мороженым и переписывалась с кем-то. Предполагалось, что взрослые лучше знают, что полезнее есть на обед.

– Кому пишешь? – спросил мужчина, пристально глядя на супругу. Он выглядел рассеянным и старым; лицо казалось зеленым от долгого нахождения в темноте и холоде, волосы с одной стороны торчали – видимо, он крутил их, пока думал.

– Да так, знакомой, – мама отчего-то разволновалась, выключила телефон и взглянула на Кэтти. – Нам надо решить, когда поедем за пальто.

«Как будто это я выбираю дату», – подумала Кэтти. Ей не хотелось находиться в компании родителей. Они всегда разговаривали неуважительно друг с другом, как будто в любой фразе прятался скрытый, одним им понятный гадкий подтекст. Кэтти отправилась к себе рисовать. Пусть взрослые общаются. В конце концов, они друг друга выбрали, поженились и решили жить вместе. Пусть теперь и развлекают себя сами.

Из окон второго этажа, особенно из детской, была отлично видна калитка, и Кэтти заметила, как мама вышла к ней и остановилась. Наверное, она пошла забирать Нэнси из гостей, но передумала или что-то отвлекло ее. А потом кто-то позвонил, и она долго блуждала вдоль забора, болтая, мило улыбаясь и перебирая листья кустарника пальцами. Девочка редко видела маму в столь хорошем настроении, поэтому она взяла карандаши и стала рисовать: шиповник с крупными ягодами, папину гортензию в пышных розовых шапках и маму с длинными развевающимися волосами в ярких резиновых сапогах. Она была очень красивой и молодой.

Кэтти хотела быть похожей на маму, когда вырастет. Мама была милой и умной, много читала и умела играть на флейте, хорошо готовила и держала дом в чистоте. Единственное, что не нравилось девочке в характере мамы, – ее частые беспричинные смены настроения. Кэтти объясняла их просто усталостью или возрастом. Любому понятно, что у взрослых куда больше проблем, чем у детей.

А еще ей не нравилось, как на маму иногда смотрит папа. Как на последнюю дурочку или как на нашкодившего котенка. Отец зарабатывал деньги на семью. Не только книгами, но и лекциями по истории литературы, которые он читал в разных университетах и колледжах страны. Мама ничем таким похвастаться не могла. Раньше она работала в серьезной фирме, занималась дизайном интерьеров, но после рождения младшего ребенка с карьерой пришлось повременить. И отец был рад, что супруга засела дома и занята хозяйством и детьми, а значит, все в порядке, так и должно быть. Ему не требуется забивать себе голову бытовыми мелочами по типу покупки свежего хлеба или глажки рубашек.

Через окно в детской Кэтти видела, как мама смеялась, разговаривая по телефону. Но потом ее лицо в мгновение ока помрачнело, телефон она тут же спрятала в карман и отвернулась, делая вид, что разглядывает птицу на дереве. Возле альпийской горки девочка заметила голову отца. Он опять пропалывал сорняки в сумерках.

* * *

На следующий день Нэнси осталась дома с отцом, а Кэтти отправилась с мамой в магазин за пальто. «Может быть, и куклу новую посмотрим», – прошептала мама, когда они садились в автобус, следовавший до центра.

Кэтти просияла. Она и так была счастлива провести время наедине с мамой, а если приятным бонусом прогулки станет новая игрушка – жизнь удалась. Девочка еще переживала утрату Анжелики – кукла была необычной и очаровательной, и очень жаль, что не удалось толком с ней поиграть.

В автобусе было мало народу: пара заспанных школьников, ехавших домой, старушки с покупками и огромных размеров мужчина с седыми бакенбардами и в шляпе. В первый раз за неделю Кэтти ни о чем не тревожилась и жизнь играла только яркими веселыми красками. Мамина рука крепко сжимала ее ладонь. Мама же выглядела как раньше, когда еще не родилась Нэнси. Голубой легкий шарф, повязанный на шею, и длинные цепочки – серьги с крошечными камушками – шли ей и делали моложе. Она накрасила глаза и губы и надела длинное серое платье.

– Хватит нам грустных дней, правда? – сказала она и подмигнула дочери.

Люди входили и выходили из автобуса, кто-то колотил в двери, когда не успевал выпрыгнуть на остановке. Одна старушка ехала, удерживая на коленках толстого рыжего кота на шлейке. Животное, видимо, привыкло к такого рода путешествиям, поэтому, спокойно развалившись, смиренно ждало своей остановки.

Наконец показалась площадь, а рядом с ней – огромный торговый центр. На площади возле памятника страшному деду с косматой бородой обычно назначали свидания и встречи с малознакомыми людьми. Не заметить его было нереально. Кэтти бросало в дрожь при одном взгляде на старика с высоким лбом и выпученными глазами. Бабушка рассказывала, что этот знаменитый ученый-химик в молодые годы баловался на кухне с кислотой и набаловался на научное открытие, которым теперь пользуются по всему миру. А если б он устроил взрыв и погибло много народа, а не научное открытие?

Солнце нагрело воздух, мама сняла шарф и сложила его в сумку.

– Сначала пальто, потом кукла, а после – обед, – заключила она, задорно улыбнувшись. Кэтти ее план страшно понравился.

6

Тем временем отец бродил по дому, наслаждаясь тишиной. За первые полчаса Нэнси настолько сильно утомила мужчину, что он прибег к секретному плану – предложил ей поиграть в прятки, а сам не спешил искать. Он слышал, как дочь забралась в корзину для грязного белья, попутно стукнувшись головой об раковину и ойкнув, поэтому он демонстративно ходил по коридору, шаркая и покашливая, и поочередно открывал двери в комнаты. Отец позволил себе даже несколько минут посидеть в кресле в гостиной, делая вид, что рассматривает шторы.

– Нэнси, ты потрясающе прячешься, не могу найти! – крикнул мужчина, воображая, как дочь хихикает, сидя в корзине для грязного белья.

Но вдруг зазвонил телефон – нетерпеливый редактор решил уточнить, когда же наконец в издательстве появится автор вместе с очередной главой. Отец продолжал бесцельно блуждать по дому, оправдываясь и что-то выдумывая. И хотя это было его профессией, получалось неубедительно.

– Они со свету меня сживут, – прошептал он, когда положил трубку. Почему бы издателям не оставить его в покое? Когда будет готово, тогда и будет. Что за несносная манера постоянно торопить творческого человека? У него от подобного пропадает всякое желание писать.

Тут отец осознал, что в доме стоит подозрительная звенящая тишина. Даже муха, которая билась об оконное стекло, вылетела на волю. Нэнси ни за что не стала бы сидеть на одном месте так долго.

Мужчина отправился в ванную и обнаружил, что корзина для грязного белья перевернута и стоит рядом с небольшим окошком, сделанным для вентиляции. Окно настежь распахнуто, а под окном валяются кусочки туалетной бумаги.

Было ясно, что неугомонная Нэнси опять сбежала, причем через клумбу, находившуюся под окном, перепортила петунии и маргаритки, разворотила ограду из камней. Отец был вне себя от ярости, не понимая, что из перечисленного злит его больше. Но чтобы ребенка отругать и как следует наказать, его для начала надо найти.

Выйдя из дома на полуденное солнце, он с непривычки заморгал и стал щуриться. Нечасто писатель-фантаст покидал пределы своего кабинета в дневное время. А на улице было очень хорошо и приятно; тень от клена, росшего рядом с крыльцом, создавала надежную защиту от палящих лучей, и отец вынужден был в ней спрятаться. Отсюда ему была видна большая часть сада, лужайка, небольшой огород и беседка, усаженная гортензиями, рододендронами и жасмином. За Нэнси должны были тянуться следы земли, ведь она вдоволь потопталась по клумбе. Но вскоре мужчина увидел сандалии девочки, валявшиеся неподалеку в траве, естественно перемазанные в черноземе.

– Ты кого там высматриваешь? – раздался голос сверху. Нэнси сидела на крыше крыльца дома и улыбалась. – Здорово я от тебя спряталась, правда?

– Как ты залезла туда, маленькая баловница? – прикрикнул отец. Еще не хватало везти ее в больницу с переломами и отвечать на вопросы врачей, как так вышло.

– По твоим зарослям. Кстати, там некоторые цветы помялись немного. Но ты не переживай. Они снова вырастут, – улыбнулась девочка, указывая на шпалеру с клематисом, которая украшала крыльцо дома. Да, кое-где растение изрядно пострадало от ног юной разбойницы.

Отец сцепил зубы, чтобы не сказать ничего гадкого. Психолог, к которому они всей семьей обращались по поводу поведения Нэнси, заявила, что с ней нужно быть как можно мягче и не допускать обидных или унижающих высказываний. У супруги получалось, а вот у него – не всегда.

– Давай подумаем, как тебе оттуда спуститься, – сказал он, делая из ладони козырек, чтобы не слепило солнце. – Я сейчас принесу лестницу из сарая, а ты сиди и жди меня там, поняла?

Нэнси покорно кивнула. Отец помчался за лестницей в сарай, искусно огибая насаждения и кусты, стараясь не наступить в грязь, которую развезло после дождя, и ругая себя последними словами. Но когда он, пытая и чертыхаясь, притащил лестницу к дому, Нэнси уже спустилась и сидела на ступеньках крыльца, сковыривая палочкой с сандалий прилипшую землю.

– Где бы мне помыть их? В бочке? – улыбнулась она раскрасневшемуся папе, но ответа не получила. – Мне нельзя в них домой, понимаешь? Останутся следы. И мочить их, наверное, тоже нельзя. Они испортятся.

– Нэнси, так не пойдет, – сказал отец, приставив лестницу к стене и усаживаясь рядом с дочерью. – Если я тебе велел что-то сделать, значит, надо сделать. Я – твой отец, Нэнси, и хочу, чтобы ты меня слушалась.

– Зачем доставлять тебе проблемы с карабканьем за мной на крышу? Я и сама прекрасно слезла, – девочка потеряла сандалю о ступеньку. – Во что поиграем теперь?

Мужчина обхватил руками лицо и уперся локтями в колени. Играть ни во что не хотелось. Хотелось дописать главу и сунуть ее прямо в нос редактору, чтобы он успокоился. А пока ненасытный редактор будет читать, выпучив глаза от натуги, у отца появится время привести в порядок клумбы. И шпалеру.

– Знаешь, давай я принесу сюда маленький столик и ноутбук и просто посмотрю, как ты бегаешь по лужайке и собираешь цветы.

– Это скучно, – сообщила Нэнси. – Хотя, если можно сорвать те цветы на клумбе, я согласна. Я на них прыгнула из окна. Их уже не спасти.

Мужчина поморщился, но кивнул.

– Я сделаю торт из глины и украшу цветами и камнями. А когда мама придет, мы ей подарим.

– Отличная идея, – согласился папа. – Тогда я пойду за ноутбуком в дом. Никуда не убегай, пожалуйста.

– Мне надо что-то на ноги, – Нэнси пошевелила пальцами. – Босоножки так и не отчистились.

– Думаю, лучше побегать босиком по травке, – улыбнулся мужчина.

На самом деле ему не хотелось искать Нэнси обувь. Он знал только, где стоят резиновые сапоги, но сейчас ее ноги сварились бы в них. Девочке будет приятно побыть дикаркой, а вечером жена хорошенько разотрет ей пятки в ванной.

Отец принес небольшой складной столик, которым они пользовались последний раз в те дни, когда еще не родились дети. Супружеская пара завтракала на крыльце, и их чашки с крепким душистым чаем дымились в лучах летнего солнца. А на голубом блюде лежали сэндвичи и шоколадное печенье. Они так много целовались и обнимались, что не замечали времени. До чего глупыми и беззаботными они были. Не пользовались кремом от загара, путешествовали автостопом, обедали в дешевых ресторанчиках и не стелили на колени салфеток. Эти дни безвозвратно кончились.

А голубое блюдо разбилось два года назад в канун Рождества. Кто-то из детей опрокинул его со стола.

* * *

Писатель уютно устроился на крыльце, включил компьютер и собрался с мыслями. В последний раз главная героиня чуть не упала в двигатель инопланетного корабля. Удивительно бестолковая девица! Но такие персонажи, к сожалению, нужны. Она появилась в третьем

романе, и все никак не удавалось от нее избавиться – в хвалебных отзывах постоянно всплывало имя этой глуповатой героини. Женщины хотели быть на нее похожими, мужчины – откровенно пускали слюни. Поэтому приходилось ее терпеть и постоянно испытывать на прочность. Может, когда-нибудь она читателям надоест, и вот тогда...

– Папа, мне срочно нужна Пигля! – крикнула Нэнси, помешивая палкой грязь в ведерке. – Мне нужен ее совет.

Отец поднял глаза от экрана и хотел было велеть дочери самой сходить в дом, но девочка ткнула палкой себя в голую ногу и скорчила гримасу:

– Кругом грязь! Даже под ногтями!

Мужчина попытался проговоривать фразу, на которой закончил, чтобы обдумать следующие, пока будет подниматься по лестнице и обратно. Но пока он шагал через ступеньку, дыхание сбилось и слова вылетели из головы, а с ними и блестящая мысль, которая вертелась около самого носа. Куклу пришлось разыскивать – она была надежно спрятана за свитером на полке.

– Держи свою Пиглю, – крикнул он, снова появляясь на крыльце. Сейчас его оставят в покое, и, может, к концу завтрашнего дня у него будет новая глава.

Инопланетные пейзажи и красotka – главная героиня – вновь заплясали в воображении мужчины. У нее шикарные волосы и губы, фигура что надо, но мозгов кот наплакал. Вот опять она собирается лезть в люк, где по замыслу прячется инопланетное уродливое существо. Оно неразумно и неагрессивно, но если она, как всегда, ввалится с шумом и спецэффектами, то тварь может и напасть. Хоть бы этого не произошло! По крайней мере, не сейчас!

– Папа! Папа! ПАПА!!!

Отец не сразу понял, что к нему обращаются. Обычно он не реагировал на вопли детей, сидя в кабинете за работой. Для того, чтобы следить за детьми, нужна привычка, а ее у писателя не было. Конечно, много лет назад он иногда играл с девочками и возил их в коляске, пока те спали. Но тогда он был начинающим писателем, на которого никто не возлагал больших надежд. А теперь он не имеет права облажаться, иначе его следующее творение может стать дорогой в забвение.

– Папа! – повторила Нэнси.

Она сидела на траве, разложив вокруг себя цветы, которые пострадали после ее прыжка на клумбу. От одного взгляда на них мужчине сделалось дурно, но он терпеливо подошел к дочери и даже сделал неловкую попытку погладить ее по голове, но Нэнси нагнулась за камнем, придавливавшим стебли маргариток.

– Я хочу пить, – сказала девочка, заправляя прядь волос за ухо. Совсем как мама.

– Отлично, – растерялся отец. – И что теперь?

– Тебе придется мне принести. У меня грязные руки и ноги. И пирог был жидким, так что я немного испачкалась, – Нэнси показала на безобразные пятна на футболке. – Мама расстроится.

Мужчина сжал губы. Почему никто не предупреждал его, что сидеть с детьми так трудно? Он, может быть, не стал бы тогда их заводить. Они все время пачкаются, издают громкие звуки, хотят есть и спать, болеют и капризничают. Когда рядом жена, он может быть отличным папой, но без нее все эти мелочи так раздражают. Почему она не причесана? Почему сидит на траве? Почему грязная с головы до ног, хотя прошла всего пара минут?

Отец взглянул на часы и вздохнул. С тех пор, как он поднимался за куклой наверх, минуло чуть больше получаса. В таком виде ее нельзя было пускать в дом. Может, заставить ее раздеться и облить из шланга, а потом замотать в полотенце? Нет, скоро вернется жена и сама разберется.

Пока отец ходил за водой, он отвлекся на газету. Ужасные вещи творятся в мире и за его пределами. В общем, когда он вернулся со стаканом воды, Нэнси сидела в беседке и голо-

сила. На самом деле она пела, отчего проходившая мимо старушка неестественно вздрогнула и поморщилась. Увидев мужчину на крыльце, она прокричала:

– У вас там ребенок плачет! – и поспешила удалиться.

– Твоя вода, – отец протянул стакан дочери.

Она с жадностью вырвала его, чуть не опрокинув, и принялась поливать пол в беседке.

– Что ты делаешь?!

– Здесь очень горячий пол. Мне жарко, – улыбнулась Нэнси. На волосах у нее сидела гусеница, а за ухом торчало воронье перо.

Мужчина попытался успокоиться. Еще немного, и его мучения закончатся. Еще немного, и жена вернется, полная сил, и отпустит его. Еще немного, и он будет свободен, и больше не попадет на эту удочку.

– Я сейчас пойду писать дальше, – сказал он, стараясь не раскричаться. – А ты будь умницей и не отвлекай меня, ладно? Сиди тут спокойно и играй в тихие игры. Вот здесь камушки, разбери их по цветам. Понюхай цветочки, уложи куколку спать.

Нэнси сердито кивнула.

Вернувшись в сотый раз за утро на крыльцо и поклявшись не сдвинуться больше с места, отец уселся за компьютер и воскресил образ героини в своем воображении. Она собиралась лезть в люк с монстром, так пусть и лезет, и пусть он ее наконец-то сожрет. Сколько можно с ней возиться! Пока лезла в люк, разодрала новый космический костюм, и вот теперь читатели видят ее обнаженный живот и аппетитное бедро. И один из пилотов как назло явился, похотливо смотрит на нее с недвусмысленным намеком. Хихикай, хихикай с ним, дурочка. Через пару абзацев тебя уже сожрут. Нет, пилот не может ее одну отпустить в люк, это очень опасно. Этот диалог длится уже целую вечность. Лезь в люк, бестолковая! Нет, они решили пойти проверить приборы, так как что-то загудело, а пришелец тем временем удрал в вентиляцию в каюту командира. Ну, этот вояка точно прикончит монстра.

– Папа! ПАПА!!!

Мужчина вскочил так, что чуть не опрокинул стол с ноутбуком. Солнце спряталось за тучу, поднялся сильный промозглый ветер.

– ЧТО! ТЕБЕ! НУЖНО?! – закричал он изо всех сил. Он больше не мог так. Сейчас его хватит удар. Почему так сложно оставить его в покое хоть на пару минут?

– Пигля тоже хочет пить. Можешь принести и ей водички? – беспечно спросила Нэнси, выныривая из кустов с охапкой соцветий гортензии.

Бывают такие мгновения, когда не помнишь себя. Мужчина подумал, что вот-вот взорвется – настолько силен был его гнев. Пусть психолог сама приходит и воспитывает маленькую нахалку и бандитку, не используя бранных слов и жестких выражений, раз такая умная.

– Пусть пьет из бочки! – заорал отец. – Ей полезно!

– Она может туда свалиться, – совершенно спокойно заявила Нэнси. – А я не достану ее потом. Это опасно.

– Я уйду в дом! – еще громче закричал мужчина. – А вы сидите здесь обе. И чтоб НИ ЗВУКА!

И, схватив ноутбук, он отправился к себе в кабинет, хорошенько хлопнув входной дверью для устрашения. Конечно, он понимал, что оставлять ребенка одного в саду небезопасно, что с характером у дочери беда, и она запросто может выкинуть что угодно. Но до конца главы оставалось всего несколько абзацев – в худшем случае пять, и он их напишет за десять минут, если сможет сконцентрироваться. Поэтому вряд ли за это время произойдет что-то непоправимое. Да и жена должна вот-вот вернуться. Сколько можно отдыхать, пока он исполняет свой родительский долг и терпит неудобства?

Поэтому, погрузившись в космический корабль, писатель отбыл, ни минуты не сомневаясь, что поступил правильно.

7

Кэтти была счастлива. Мама купила ей ярко-красное пальто, перчатки и теплый ободок, чтобы можно было делать высокую прическу, когда похолодает. А потом они пошли в отдел игрушек и долго рассматривали всевозможных кукол в разных чудесных нарядах. Конечно, такой красавицы, как Анжелика, там не оказалось. Но зато были пастушка в сарафане с фартуком, египетская царица в золотой тиаре с ярко накрашенными глазами и милая парижанка в берете с черным каре и алыми губами. Кэтти больше всего понравилась спящая красавица в длинном голубом платье и с волосами до пят, но она стояла неприлично много, и мама почувствовала себя неловко, когда ей не хватило денег на кассе. Тогда они договорились взять симпатичную скрипачку. Она больше всех напоминала Анжелику. К тому же у куклы в руках были маленькая скрипка и ноты.

«До нее Нэнси точно не доберется, – подумала Кэтти. – Уж я об этом позабочусь».

Мама пребывала в отличном настроении, купила перчатки из тонкой кожи на осень и постоянно рассматривала себя в витринах магазинов. Казалось, что она забыла про младшую дочь, оставленную на попечение отца, про их злоключения в зоопарке, про ссору из-за куклы.

Они уселись за столик на фудкорте, взгромоздив на пустой стул кучу пакетов с покупками. Так не хотелось, чтобы этот замечательный день заканчивался, но неизбежно нужно было собираться домой.

– Может, перекусим, прежде чем ехать обратно? Что ты хочешь? – спросила мама, внимательно глядя на Кэтти.

– Картошку фри и шоколадный коктейль, – улыбнулась девочка.

– И пирожок с яблоком, – добавила женщина и отправилась добывать провизию. Кэтти так спокойно и интересно было проводить время с мамой. Когда к их парочке примешивался еще кто-нибудь, атмосфера сразу портилась. А теперь даже пирожок с яблоком можно было слопать.

И вдруг на столике задребезжал мамин телефон. Кэтти знала, что у взрослых свои секреты и не стоит любопытствовать, кто звонит и зачем. Но телефон гудел и гудел. Люди за соседними столиками стали оборачиваться: их, видимо, раздражало назойливое жужжание. И Кэтти была вынуждена сбросить звонок, чтобы никого не беспокоить.

– Тебе звонили, – сказала она обеспокоенно, когда мама вернулась.

– Папа? – женщина поставила на стол поднос и с самодовольной улыбкой уселась, закинув ногу на ногу.

– Нет. Наш почтальон.

Кэтти не увидела в этом ничего дурного: мало ли почему один человек звонит другому. Может, у них общие дела или просто Лукасу стало одиноко. Иногда приятно поболтать с кем-нибудь веселым – например, с мамой; она отличный друг, красивая и любит рассказывать смешные истории разными голосами. Девочка удивилась, только и всего. Но реакция мамы ее озадачила. Женщина принялась поправлять волосы и оглядываться по сторонам, словно кого-то ища взглядом. Она раскраснелась, и под тканью платья было видно, как ее грудь ходит ходуном.

– Правда? Интересно, зачем, – пожалала она плечами.

Мама была бездарной актрисой. Она совершенно не умела врать. Особенно когда, заходя в медицинский кабинет, говорила, что будет не больно. И когда уверяла, что в магазине остались только зеленые кислые конфеты, хотя через витрину было видно и красные, и фиолетовые – самые вкусные. Или когда рассказывала, как бабушка с удовольствием прочитала их с Нэнси письмо, поблагодарила за рисунок и поставила его к себе на тумбочку, чтобы перед

сном любоваться. А на самом деле это письмо торчало из маминой сумки – нераспечатанное и сложенное вдвое.

Так что внутри у Кэтти что-то напряглось. Как будто все мышцы стали каменными, и ей непременно нужно было попрыгать. Но прыгать посреди фудкорта неприлично и опасно, поэтому она только изо всех сил сжала кулаки под столом.

Принявшись за еду, мама вела себя нервно. Она постоянно хватала телефон и водила по экрану мизинчиком, проверяя, не пришли ли новые сообщения.

– Я просто волнуюсь, как там папа с Нэнси, – беззаботно произнесла она, засовывая в рот очередную длинную картофелину. Кэтти не верилось.

А потом неожиданно к ним подошел Лукас – почтальон. Он был без формы, в обычной одежде, в отличной джинсовой куртке. Мужчина даже воспользовался одеколоном, хотя девочка не была уверена, что на почте такое разрешается. В общем, Лукас был симпатягой. Было заметно, что маме он нравился. Она, правда, в первую секунду страшно испугалась. Но тут любой бы испугался, если бы на него выпрыгнул почтальон в обычной одежде с запахом одеколона.

– Я вас увидел издали и решил подойти поздороваться, – сказал мужчина, улыбаясь, и взял маму за руку для приветствия.

– У вас выходной? – спросила Кэтти.

– Сегодня – да. Вот решил прикупить себе бейсболку, а то моя выгорела на солнце и стала похожа на... – он продемонстрировал старую и новую кепки.

– Здорово выглядит, – одобрительно кивнула девочка. Ей нравился почтальон. Все считали его славным человеком, и мама рядом с ним заметно расслаблялась.

– Вы не составите нам компанию? – спросила женщина. – Мы только начали обедать.

Лукас вопросительно посмотрел на девочку, но Кэтти была не против. Мама подружилась с почтальоном, а у нее не так много хороших, добрых друзей. К тому же Лукас мог помочь им донести сумки обратно, если у него, конечно, не было никаких срочных дел.

8

Тем временем отец закончил треклятую главу и размял шею. Здорово же она затекла, пока он сидел в темноте в позе креветки и самозабвенно молотил пальцами по клавишам. А теперь неплохо было бы перекусить, потому что желудок писателя принялся издавать трели на разные лады. Прямо как инопланетянин, когда командир пытался достать его длинным щупом из вентиляционного отверстия. Глава получилась что надо, и теперь пришло время поощрить себя чем-нибудь вкусненьким. Например, картофельной запеканкой. Из-за умственной работы калории сжигаются быстро, поэтому и действовать нужно было без промедлений, чтобы не упасть в голодный обморок.

Выйдя из кабинета, мужчина сразу обратил внимание, что дом окутали легкие сумерки. Возможно, собирался дождь. Взглянув на часы, писатель несказанно удивился. Оказывается, наступил вечер. Он был готов поклясться, что провел за работой не больше пятнадцати минут. Как быстро летит время, когда находишься под действием вдохновения! Интересно, Нэнси будет есть ризотто?

И вдруг отца затрясло, как в лихорадке. Нэнси все это время находилась одна на улице – грязная, мокрая, босая, голодная и напуганная. Возможно, с ней случилось что-то непоправимое. Она могла залезть на дерево и упасть с него. Или перелезть через забор и побежать к реке – такое уже случалось раньше. Мужчина пытался успокоить себя мыслью, что дочь не глупа и вернулась бы домой сама, если бы потребовалось. Но дом погрузился в леденящие душу тишину и забвение.

Он рванул к входной двери, пытаясь дышать размеренно, но сердце предательски колотилось в шее и затылке, вытворяя умопомрачительные кувырки, от которых кровь стыла в жилах.

Выйдя на улицу, он увидел прекрасный летний вечер, поредевшие кусты гортензий, камни и песок на полу беседки, стопки листьев липы, придавленных кусочками черепицы с крыши сарая, разложенные на крыльце. И никого.

Мужчина выбежал в сад, истерично выкрикивая имя дочери. Но Нэнси не откликнулась. Только неугомонные скворцы носились, пытаясь на лету выщипать друг другу перья. Отец обошел дом вокруг, заглядывая в каждый уголок, где могла спрятаться дочь. С каждой минутой ему становилось страшнее. Где, черт возьми, жена, когда она так нужна? Почему до сих пор не вернулась?

Не подумав запретить дверь, он выбежал на улицу, пытаясь угадать, куда подевалась Нэнси. И, рассудив, что она могла направиться в гости к Тому, зашагал к соседям.

* * *

Кэтти с мамой и Лукасом вышли на нужной остановке и, пересчитав пакеты, чтобы ничего не забыть в автобусе, двинулись по улице в направлении дома. Настроение у всех было приподнятое. Почтальон шутил и рассказывал маме интересные истории о своих ежедневных трудах и соседях, а она смеялась, держа мужчину под руку. Женщина здорово натерла ногу туфлями, поэтому не могла идти без опоры.

Повернув на свою улицу, они разделились: Кэтти, захватив часть пакетов, побежала домой, чтобы рассказать отцу и Нэнси о том, как замечательно провела день, и похвастаться покупками, а мама с Лукасом пошли неспеша: мамина нога болела все сильнее, да и Лукас должен был показать ей в телефоне что-то не для детских глаз.

Девочка поскакала по улице, размахивая пакетами, и не на шутку удивилась, увидев распихнутую настежь калитку и открытую дверь дома. Не хотелось думать, что в жилище забра-

лись воры. Или с отцом случился сердечный приступ, а Нэнси, воспользовавшись моментом, сбежала. Или что в дом заползла змея, которая теперь держит в заложниках отца с сестрой и обязательно набросится на первого, кто войдет. Кэтти замедлила шаг. Заходить было опасно – мало ли что там внутри. Стоило подождать маму.

Но мама шла ужасно медленно. За это время грабители успеют сложить все ценное в черные мешки, отец отлетит к праотцам, а змея наверняка уже проглотила всех рыбок из аквариума и подбирается к несчастному хомячку, которого Том дал поиграть Нэнси.

Кэтти оставила пакеты на крыльце и выбежала на улицу, чтобы позвать на помощь. Она открыла рот, чтобы завопить, но застыла, увидев за углом маму, нежно обнимающую Лукаса, – а он страстно целовал ее прямо в губы. Девочку замутило. Она не понимала, как взрослые могут целуют друг друга в губы, ведь во рту полно слюней и всяких бактерий, от которых можно заразиться чем-нибудь опасным. У Лукаса были белые ровные зубы, и он наверняка чистил их дважды в день, но поцелуй выглядел отвратительно. Слава богу, ее родители так никогда не делают. А вот с почтальоном мама целовалась, наверное, кучу раз.

– Кэтти! – донесся голос отца. Он появился из калитки соседей, и девочка мигом подбежала к нему. Ей не хотелось, чтоб он видел маму в объятиях почтальона: отец бы точно расстроился.

Папа был бледным и растрепанным, а еще, казалось, постарел лет на пять.

– Кэтти! – повторил он, сжимая ладонь дочери в своих руках. – Нэнси сбежала. Я не могу ее найти. Я обошел всех соседей. Никто не видел ее.

Мужчина опустился на колени прямо на тротуар и обнял Кэтти так сильно, что у нее перехватило дыхание. Нечасто отец обнимал ее, да еще с такой нежностью.

– Мы найдем ее, – тихо сказала девочка. – Не волнуйся так. Она часто сбегает, но потом всегда находится.

В эту минуту к ним подросла мама – уже без Лукаса, но волосы у нее на затылке были растрепаны, а щеки покраснели, как два спелых яблока.

– Что случилось? – спросила она, тяжело дыша.

Когда отец сообщил, что Нэнси таинственным образом исчезла, мать схватилась за голову, начала беспокойно оглядывать улицу и кусать губы.

– Как это произошло? Когда ты видел ее в последний раз?

Отцу пришлось сказать, что он видел ее в последний раз относительно давно, что она играла в саду и с ней все было в порядке. Объяснения насчет своего времяпрепровождения лучше отложить на потом, когда ребенок найдется, все будут в безопасности и жизнь потечет в привычном темпе.

Мама сбежала в дом, сменила туфли на кроссовки и пошла наверх по улице, туда, где располагались все основные магазины. Отцу с Кэтти она велела идти в полицейский участок – там Нэнси хорошо знали и частенько помогали с поисками, когда девочка в очередной раз сбежала. Проблема была в том, что никто не мог сказать, когда именно она пропала и как долго была одна. В этом районе все знали Нэнси и ее нрав, поэтому, увидев девочку в одиночестве на улице, обязательно бы остановили ее и отвели домой. Но она могла запросто пойти к речке, которая протекала неподалеку, или залезть в автобус, или спрятаться в одном из подвалов.

Отец нехотя поковылял к полицейским, а Кэтти засемила следом, но мужчина не обращал внимания на ее вопросы и утешения.

– Вот увидишь, она найдется. С Нэнси всегда так, – повторяла девочка все тише и тише. – Можно я пойду домой?

Отец что-то пробормотал и махнул рукой.

Кэтти рассудила, что кто-то должен был остаться дома, чтобы ждать Нэнси. Ее безбашенная сестрица могла объявиться в любой момент. Да и кислые, обеспокоенные лица взрослых

нагоняли тоску. Сколько можно носиться с этим неуправляемым ребенком? Стоило бы разок как следует ее наказать – глядишь, и поведение наладилось бы.

Кэтти села на крыльце и принялась распаковывать покупки. Ее успокаивал приятный шелест бумажных пакетов, этикетки на новой одежде – все такое гладкое и чистое. А ткань у ярко-красного пальто была настолько шелковистой, что хотелось прикоснуться к ней щекой. Нужно было немедленно повесить его в шкаф, пока не появилась Нэнси со своими грязными липкими ручищами и не испортила очередную чудесную вещь.

Мама пронеслась вихрем по ближайшим улицам. Она заходила в магазины, обращалась к знакомым, останавливала каждого встречного и спрашивала о младшей дочери. У нее не осталось сил; еще минута – и она готова была хлопнуться в обморок от умственного перенапряжения и физической усталости. Конечно, она думала, что это знамение свыше. Кара за ее непристойное поведение с почтальоном. Но с Лукасом она могла быть собой: говорила, о чем думала, доверяла тайны, которые долгие годы тяжким грузом лежали у нее на душе. Например, что замуж она вышла не по любви, а из-за невыносимых нравоучений матери. А потом – стерпелось-слюбилось. Супруги поняли друг друга и не мешали жить. Но после рождения детей будто сломался мостик, связывавший их. Они перестали видеть друг в друге мужчину и женщину и стали просто соседями, которым дешевле и удобнее жить вместе.

А в последнее время муж стал ее невероятно бесить. Он был абсолютно беспомощным – бытовым инвалидом, как он сам в шутку себя называл. С детьми у него не ладилось – неинтересно беседовать или возиться с теми, кто громко кричит, плачет или не понимает элементарных вещей. А став популярным писателем, он и вовсе потерял связь с реальностью и существовал отдельно от семьи, как призрак, появляясь иногда в темных углах. Спали они уже давно раздельно, потому что ей надоело просыпаться посреди ночи от его кашля и сопения, когда он возвращался из кабинета под утро и бубнил под нос недописанные предложения, чтобы поутру их не забыть. А его бесили ее утренние процедуры – чистка зубов, звук фена и массажера для лица.

– Нельзя ли потише?! – обычно орал он, переворачиваясь на другой бок, накрываясь с головой одеялом.

– Мне нужно отвести Кэтти в школу! – сердито шипела она в ответ и специально делала массаж подольше.

Так их супружеская жизнь сошла на нет. За ужином они почти не разговаривали, а если и обсуждали, то бытовые вещи: сколько стоила новая кастрюля, не пора ли сводить Нэнси к зубному и когда должен прийти Шелдон, сын почтальона, чтобы почистить водосток от листьев.

Поэтому она очень скоро забыла, что такое быть красивой и желанной, что такое флиртовать и чувствовать воодушевление при виде человека, который тебе по-настоящему нравится.

Она стояла на тротуаре, пытаясь вернуть самообладание и восстановить дыхание, трясуцимися руками тыкая в телефон в надежде найти хоть какую-нибудь весточку о том, что Нэнси наконец нашлась.

И вдруг из овощной лавки вышел Лукас. Он на секунду замер в нерешительности, словно пытаясь понять, что случилось, а затем подошел и коснулся ее плеча.

В этот миг она рванулась к нему, крепко обняла и обрушила поток слез на его джинсовую куртку. Никто не мог помочь ей в этом страшном горе, кроме него. Ей больше не на кого было рассчитывать.

– Дорогая, – только и повторял мужчина шепотом. Он очень давно был женат и забыл, как женщины плачут и что с этим делать. Единственное, что он мог, – гладить ее по спутанным волосам и шептать слова утешения. – Мы найдем ее, слышишь? Обязательно. Даже не сомневайся! Она не могла далеко уйти. Куда бы ты пошла, если бы была Нэнси?

Они разделились. Лукас отправился по магазинам на этой стороне улицы, а женщина перешла дорогу и стала обходить дома, спрашивая жильцов, видели ли они девочку.

Тем временем Нэнси сидела в магазине Какао Джонс и перебирала пуговицы. Она устроилась за прилавком на полу, вытащив огромную коробку, где лежали разнообразные штучки для шитья и рукоделия. Каролина дала ей десять маленьких контейнеров и попросила разобрать пуговицы по цветам. Джонс разумно рассудила, что рано или поздно за Нэнси придут, а отпускать ее одну опасно, поэтому заняла ребенка, накормила сэндвичами с ветчиной и огурцами и налила большую кружку какао.

Но в тот момент, когда к магазину подходила мама девочки, Каролина как раз отлучилась в подсобку. Поэтому, заглянув в витрину, мама никого не увидела и заходить не стала. Так что все время, пока встревоженная до ужаса женщина носилась по улице, как курица с отрубленной головой, ее дочь мирно сидела в тепле и уюте и занималась делом под звуки джаза из радиоприемника.

Наконец в магазин зашел Лукас. Старушка подметала пол у входа и сразу заметила, что мужчина очень взволнован и сердит.

– Скажите, Каролина, вы не видели Нэнси? – строго спросил он, вытирая пот со лба рукавом куртки.

– Ну привет! – вынырнула Нэнси из-под прилавка. – Вот это гости! Дядя почтальон, не хочешь купить у меня пуговиц? Думаю, тебе понравятся большие синие.

И девочка высыпала на прилавок пригоршню крупных иссиня-черных пуговиц.

Лукас с облегчением выдохнул и закрыл глаза.

– Пойдем, красотка, тебя мама ждет, – сказал он и улыбнулся.

– Только я босиком, – заявила Нэнси. – Я забыла босоножки дома. А сапоги мне папа не дал надеть. Сказал, что в них мои ноги сварятся. Они будут как вареные сосиски. С тобой бывало такое?

Лукас взял Нэнси на руки и вышел из магазина. Он неспеша зашагал по улице, высматривая маму девочки, пока та болтала без умолку. Нужно было как можно скорее доставить ребенка домой: одежда на девочке была мокрой и грязной, а на ее ноги было больно смотреть. Если б он не знал Нэнси лично, то решил бы, что это ребенок одного из бездомных, которые иногда появлялись в городке и просили подаяния на улице.

Наконец на углу он увидел *ЕЕ* – в измятом, утратившем свежесть платье, с размазанным макияжем и глубокими морщинами, сделавшими ее лицо старым и больным. Ее взгляд блуждал по окнам и дверям домов и наконец остановился на Лукасе с малышкой на руках. В этот момент сердце женщины почти остановилось. Она опрометью бросилась к ним, крепко обняла обоих и расплакалась.

– Спасибо тебе, спасибо, – бормотала она, все сильнее сжимая Лукаса с Нэнси на руках. – Я люблю тебя, сильно люблю.

У калитки их дома отец беседовал с полицейским. Они тоже видели эту сцену.

* * *

В тот вечер, вернувшись домой, родители устроили всепоглощающий, ужасный скандал. Казалось, крыша обрушится от ярости, с которой они бросали друг в друга оскорбительные реплики. Стекла звенели, отец побагровел, мать визжала, словно подбитая собака. Девочки прятались наверху, включив мультики на планшете, но ни одна не могла отвлечься от ругани взрослых.

– Почему ты оставил ребенка одного на улице?! Какое ты имел право?! – в сотый раз кричала мама. – Мы же заранее договорились, ты обещал!

– А ты моталась весь день неизвестно где, хотя обещала, что отлучишься на пару часов! Обжимаешься у всех на глазах с почтальоном! Хоть бы совесть имела!

– Он мне помогает, в отличие от тебя, неблагодарный эгоист! Тебе на всех наплевать!

Это длилось бесконечно. Что-то с грохотом покатилося по кафельному полу на кухне – мать бросила кастрюлю.

– Я ухожу спать! – наконец рявкнул отец. – И чтоб ни одна живая душа не смела меня будить, потому что завтра я на весь день уезжаю в издательство! Кому-то же нужно зарабатывать деньги в этой никчемной семье, а не только тратить их на ерунду!

Он удалился в спальню, топя что есть силы по лестнице, а затем с треском захлопнул за собой дверь.

Мама осталась на кухне. Включила ледяную воду – умывалась, пытаясь прийти в себя, и горько плакала. А затем в полной тишине хлопнула входная дверь. И из окна детской Кэтти увидела, как мама, разговаривая с кем-то по телефону, вышла из калитки и скрылась в ночной мгле. В тот момент девочка подумала, что из-за сестры снова произошло что-то ужасное и непоправимое. Теперь она разрушила целую семью.

9

После этих событий прошло две недели. Родители не разговаривали друг с другом. Отец окончательно переехал в кабинет, где у него был прекрасный мягкий диван. Мама иногда ночевала в детской – спала по очереди с девочками, причесывала их перед сном, пела колыбельные и рассказывала сказки про принцесс. Нэнси подобные истории не нравились – она больше любила пиратов и разбойников, поэтому всегда расстраивалась, когда отрицательные персонажи оказывались не у дел.

Над городом висела удушающая жара. В холодильнике постоянно стоял огромный графин с лимонадом или малиновым чаем, который осушался за пару подходов. Бассейна рядом не было, хотя каждое лето отец грозился поставить на лужайке надувной, но откладывал из-за непредвиденных обстоятельств. Поэтому мама с удовольствием ходила с девочками на речку. Иногда к ним присоединялся Том со своей мамой, и дети с удовольствием плескались в прозрачной воде и собирали гладкие камешки, устраивая соревнования, кто дальше кинет.

В тот день Кэтти взяла на пляж книгу и устроилась в тени дерева, намереваясь дочитать главу про приключения двух девчонок – тети и племянницы. У героинь была настоящая дружба, не то что у них с Нэнси. Ее сестра по-прежнему вела себя несносно.

Например, во вторник она вынесла мамины туфли в сад и принялась в них расхаживать, налепляя на каблук шматки земли. Нужно ли говорить, что один каблук негодница все-таки сломала. Мама отнесла туфли в ремонт, но мамин старый знакомый Джек, обувной мастер и милый старик, не был уверен, что сможет их достойно починить. Туфли были светлые и лаковые, и теперь их украшали длинные глубокие царапины.

Мама с утра была в приподнятом настроении – вчера вечером, когда девочки легли спать, она пошла гулять. Сказала, что хочет побыть наедине со своими мыслями. Но в темноте Кэтти видела из окна детской, как она стояла в обнимку с Лукасом возле калитки под фонарем и улыбалась. Девочка наутро нарисовала эту картину, на что мама страшно разозлилась, завизжала и порвала рисунок на мелкие кусочки, и очень зря, ведь получилось красиво. И вот теперь она с Кэтти не разговаривала, а с Нэнси сюсюкала, как обычно.

С того места, где сидела Кэтти, была видна вся река до поворота. Дерево, в тени которого устроилась девочка, росло на небольшом возвышении над водой, и можно было разглядеть кусочек леса, страдающего под лучами солнца, редкие лодки с рыбаками и купальщиками, островки диких цветов и луговые травы.

Кэтти услышала гогот Нэнси и повернулась, чтобы посмотреть на мать, но ее не оказалось рядом. Полотенце, на котором до этого загорала женщина, оказалось пустым. Кэтти вновь погрузилась в чтение, пробежав глазами по предыдущему абзацу, когда рядом с ней плюхнулась сестра.

– Что читаешь? – спросила она и протянула по локоть вымазанные речным песком руки к книге.

– Не трогай! – шикнула Кэтти. – Про двух подруг читаю и про их приключения.

– А там есть разбойники с сокровищами? – улыбнулась младшая сестра. – Или бандиты?

– Нет, – Кэтти захлопнула книгу. – Что тебе нужно?

– Хочу узнать, что делать с сокровищами, – ответила Нэнси, посмотрев вокруг. – У меня есть сокровища, и я не знаю, куда их лучше спрятать.

Она потрясла перед лицом сестры пакетом из магазина бижутерии, в котором что-то тревожно звякало.

– Отстань, – Кэтти насупилась и снова раскрыла книгу, давая понять, что разговор окончен. – Иди поиграй.

Нэнси не нужно было долго просить. Она вскочила на ноги, подошла к крутому берегу, где метра на полтора вниз плескалась река.

– Я их кину на дно, и пираты найдут мои сокровища, когда будут здесь, – крикнула она. – Это, кстати, деньги.

Кэтти сверлила сестру взглядом поверх книги. Когда же она наконец прекратит всех донимать?

– Где ты взяла деньги? – тихо спросила девочка.

В этот момент Нэнси, ничуть не смутившись, перевернула пакет, и монеты со звоном посыпались в воду.

– В копилке-свинюшке, – заявила она, заглядывая внутрь, не осталось ли там еще что.

– Моя копилка! – встревоженно закричала Кэтти и вскочила.

Полгода она сэкономила деньги, которые мама давала ей на карманные расходы, чтобы купить в магазине Какао Джонс большой набор фломастеров. В изостудии говорили, что ими рисовать – «абсолютное блаженство» и что они «для профессионалов». Поэтому теперь ее мечты о скорой покупке опустились на дно реки. А Нэнси стояла на берегу, глядя вниз, пытаясь аккуратно сложить пакет.

– Что ты наделала, дура! – завопила Кэтти что есть мочи. – Иди и собирай их немедленно!

– Не получится, – заявила Нэнси. – Они там далеко.

В этот момент в голове у Кэтти что-то помутилось. Она подбежала к младшей сестре и с силой толкнула ее. Девочка полетела с обрыва и шлепнулась в воду, беспомощно крича, захлебываясь водой.

У Кэтти мгновенно похолодело внутри – она только что утопила собственную сестру! Никогда в жизни ее не простят и, скорее всего, отвезут в детский дом. Кому она нужна такая?

Не снимая сарафана, она побежала вниз к пляжу и ринулась в воду: было неглубоко, но течение оказалось очень сильным. Кэтти не могла думать; ее голова гудела, сердце рвалось из груди, пока она шла все дальше, чтобы спасти Нэнси. Одежда намочилась, волосы прилипли к лицу и повисли прядями, как у русалки. Добравшись до места под обрывом, она увидела сестру, которая сидела по шейку в воде и горько плакала.

– Не подходи! – закричала она. – Я боюсь тебя!

– Прости, Нэнси. Прости меня, – шептала Кэтти, медленно приближаясь к девочке. Ей стало немного легче от мысли, что сестра жива, что она просто напугалась и ничего плохого с ней не случилось.

– Я ударилась! – продолжала вопить Нэнси. – Ты плохая! Ты психопатка! Ты злая!

Кэтти почувствовала резкую боль в правой ноге и поняла, что напоролась в воде на что-то металлическое. «Наверняка, пойдет кровь, – подумала она. – Так мне и надо. Это наказание за мои поступки».

Эти минуты показались страшно долгими, пока Кэтти все же смогла схватить маленькую ручку и оттащить сестру подальше от течения к берегу.

– Я хочу к маме, – тихо поскуливала Нэнси. – Я боюсь быть с тобой.

Когда девочки выбрались на берег, сарафаны липли к их телам, волосы болтались водорослями, а на ноге у Кэтти зияла огромная рваная рана, из которой хлестала кровь.

– Садись здесь на полотенце, – старалась говорить старшая сестра спокойно и ласково. – Лучше снять платье и разложить рядом, чтобы оно высохло. Садись, Нэнси. Не плачь. Пожалуйста.

Нэнси послушалась. Теперь ее было ужасно жалко. Как можно было так поступить с родной сестрой из-за ерунды?

– Я хочу к маме, – едва слышно повторила Нэнси.

– Я сейчас ее найду, – пообещала Кэтти и попыталась улыбнуться. – А ты сиди здесь и никуда не уходи, поняла?

И Кэтти побежала. Она знала дорогу к дому, поэтому сразу направилась туда. Нога страшно болела, но девочка не обращала на это внимания. Секунды неслись, пока она спешила по тропинке, ища маму глазами. Нужно было первой рассказать о том, что произошло. Иначе беды не миновать.

* * *

Через минуту бежать стало нестерпимо тяжело, и она перешла на быстрый шаг. Люди, шедшие навстречу, испуганно вскидывали брови. Наверное, у Кэтти был вид монстра из фильма ужасов, и никто не остановил ее, не спросил, что случилось.

Наконец она подошла к дому. Калитка была открыта, отец возился с цветами на клумбе под окном. Он не заметил дочь, даже не повернулся в ее сторону. А когда Кэтти поднялась на крыльцо и хотела окрикнуть его, у мужчины зазвонил телефон.

– Да, – рявкнул он раздраженно. – Что случилось?

Кэтти открыла дверь, краем глаза заметив, как отец встал и его лицо стало зеленеть от ужаса.

– Что она сделала? – закричал он. – Почти утопила? Успокойся, расскажи по порядку.

Девочка поняла, что разговор шел о ней. Мама, наверно, была неподалеку на берегу и все видела, или Нэнси успела рассказать ей свою версию истории. Что же теперь будет? Ее точно отвезут в детский дом или психиатрическую больницу и оставят там навсегда. Никто никогда больше не посмотрит на нее и не заговорит с ней.

Кэтти шмыгнула в дом. Она поняла, что мама с Нэнси идут обратно, и худо ей будет, когда они вернуться. Поэтому она забежала в кабинет отца, где царил полумрак, пачкая светлый ковер кровью из раны, и забралась под стол. Здесь ее точно не найдут. Нужно просто подождать, пока страсти улягутся, и все станет хорошо. Она расскажет правду родителям и попросит прощения. Может, ее накажут, но заслуженно.

В комнате работал кондиционер, и было нестерпимо холодно. Но Кэтти была до ужаса напугана и взволнована, так что не понимала, отчего холодеют ее руки и стучат зубы.

Через несколько минут она услышала тяжелые шаги отца. Он бегал по дому и звал ее по имени. Видимо, пытался найти, чтобы наказать. Кэтти обхватила ноги, пытаясь согреться и хоть немного успокоиться. А спустя несколько минут потеряла сознание.

10

Кэтти лежала в кровати, пытаясь пошевелиться. У неё болело все тело, ломило кости, голова была ватная, а в горле пересохло. Она попыталась открыть глаза, но не смогла – свет был слишком ярким. Девочка попыталась позвать маму, но язык не слушался.

Видимо, ее так здорово наказали, что теперь она не может даже двигаться и говорить. Что ж, поделом ей. Еще хорошо, что Нэнси осталась жива.

А потом Кэтти провалилась в тяжелый, вязкий, похожий на кошмар сон. Ей снилось, что она лежит в кровати в детской, а Нэнси постоянно заглядывает в комнату, качается на двери и впускает белых, похожих на лебедей, птиц. Они гоготали возле Кэтти, смешно трясли крыльями и забирались к ней на кровать. Она угощала их спелыми яблоками с красными бочками, а птицы хлестали ее по лицу и щипали за руки. Ей было больно, но она не смогла бы прогнать целую стаю. Из их клювов падали мелкие кусочки яблок, пачкая простыни фруктовым соком.

Потом она увидела маму, сидящую в кресле у окна. Та читала книгу, монотонно и грустно, но слов было не разобрать. Птицы наконец скатились по покрывалу с кровати, как с горки, и начали водить хоровод вокруг, а вся простынь была засыпана их кипенно-белыми перьями с нежными розоватыми краешками. Мама встала и подошла к кровати. Лицо у нее было очень задумчивое и отечное, будто она долго не могла уснуть. Она осторожно взяла одного лебедя на руки и что-то прошептала ему на ухо.

Огромная птица тут же вспорхнула и улетела в открытое окно. Кто и когда открыл его, было трудно сказать, потому что комнату наполнил звон и дребезжание стеклянной посуды.

В дверь въехал сам по себе длинный стол, на котором стояли чашки и тарелки с разными блюдами, и Кэтти поняла, что сильно проголодалась. Она уселась на кровати, а птицы облепили стол и стали жадно пожирать вафли со взбитыми сливками и клубникой, и омлет с помидорами, и жареный сыр с клюквенным соусом, и зефир с ягодными прожилками. Девочке не досталось ни кусочка, и она была страшно расстроена. «Обязательно попрошу маму приготовить такой завтрак, как только проснусь», – подумала она и погладила одну из птиц по голове, отчего она ощерилась, показав зубастый клюв, и грозно зашипела.

Потом громко плакала Нэнси. Мама выбежала из комнаты, чтобы успокоить младшую дочь, а Кэтти осталась одна с птицами. Она залезла на пустой после завтрака стол, и лебеди принялись катать ее по комнате и кружить, отчего у нее страшно закружилась голова.

Затем раздалось гудение, неясные голоса, которые считали не то секунды, не то ее пульс. А потом лебеди собрались в кучу, и один из них, самый огромный, кивком предложил девочке залезть к нему на спину. Кэтти всегда мечтала о подобном с тех пор, как прочитала сказку о Нильсе и его путешествии с дикими гусями.

Она без страха вскарабкалась на спину птицы и обняла мощную длинную шею. И в этот момент один за другим лебеди стали вылетать из комнаты сквозь распахнутое окно. Легкий ветер щекотал кожу девочки. Она обнаружила, что на ней прекрасное белое платье с рюшами и кружевами, но ей ничуть не холодно. И вся стая направилась напрямик к солнцу, так что его свет слепил ей глаза. Этот свет наполнял все ее существо, гладил по волосам, целовал в макушку. И ей стало настолько легко и радостно, что девочка рассмеялась.

Наутро сад был окутан туманом. «Наверное, ночью шел ливень, а я все проспала», – подумала Кэтти, выглядывая из окна детской.

Она проснулась отдохнувшей и легкой, боль прошла, озноб исчез, и ей показалось, что она проспала не одну ночь, а целую неделю кряду. Одна вещь удивила ее, когда девочка только открыла глаза. Оказалось, что ее переодели в тонкую белую ночнушку с кружевами. До этого момента она не знала, что в ее гардеробе есть такая. Юбка в форме колокольчика так забавно шелестела и приподнималась, если немного покружиться. Но Кэтти не стала долго танцевать

по комнате – боялась, что еще слишком слаба и не стоит испытывать организм на прочность сразу после болезни.

Нэнси тихонько сопела в своей кровати, и сестре до смерти захотелось ее разбудить и поговорить о том, что случилось. Пигля важно восседала на подушке с видом хозяйки дома. Почему мама до сих пор разрешает сестре брать чумазую старую куклу в кровать? На ней проживало по крайней мере миллиона три разных микробов.

Кэтти попыталась смахнуть Пиглю на пол будто случайно, но упрямая кукла только прилегла рядом с Нэнси, продолжая излучать спокойствие и надменность.

Кэтти прошмыгнула в коридор и заглянула в спальню родителей. Ей хотелось попросить прощения за свое несносное поведение и немного полежать с мамой рядом.

Женщина мирно спала, но ее лицо стало как будто угрюмее и старше своих лет. Глубокие морщины исказили уголки некогда прекрасных губ, потянув их вниз, и между бровей образовалась основательная складка. Кэтти села рядом и погладила маму по волосам, разбросанным по подушке.

– Прости меня, мамочка. За все. За мое ужасное поведение. Я не хотела никому навредить, – прошептала она.

Мама нахмурилась во сне, и глаза под закрытыми веками задержались.

– Если можешь, прости меня, пожалуйста, – повторила Кэтти и легла рядом с женщиной, прижавшись к ней всем своим невесомым телом. От мамы шло приятное тепло и умиротворение, она пахла как в детстве, когда они обнимались, сидя в кровати перед сном, и женщина целовала пятки своей маленькой девочке. Сейчас бы она ни за что не стала так делать.

Кэтти хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно. Здесь не было Нэнси, которая постоянно отвлекала мамино внимание своими проказами и воплями, и отца, присутствие которого маму явно расстраивало. Весь дом был тихим и уютным, и только надоедливая птица скакала снаружи и заглядывала в стекло, желая достать дохлую муху с подоконника.

Кэтти вздохнула и закрыла глаза. «Вот бы уснуть так, уткнувшись в маму носом. А когда она проснется, и не подумает ругаться. Она поймет, как сильно я ее люблю и сожалею о своем поступке», – подумала Кэтти и еще раз посмотрела женщине в лицо.

В этот момент мама открыла глаза и взглянула в упор на дочь. В первую секунду по ее губам поползла нежная улыбка, но тут же рот скривился будто от страдания и из глаз потекли крупные слезы, и женщина заплакала навзрыд, закрыв лицо руками, и ее грудь стала нервно дергаться.

Кэтти поняла, что ее не простили. Что один ее вид заставляет маму переживать, поэтому она вскочила с кровати и поспешила удалиться из комнаты.

– Прости меня, – прошептала она едва слышно, выходя в коридор.

Девочка вернулась в комнату, села на свою постель и взяла книгу, чтобы скоротать время, пока дом не проснется. Она намеревалась вести себя тихо, чтобы к ней больше не было ни одной претензии или вопроса. И тогда, может быть, они снова заживут прежней жизнью. Она и так была страшно благодарна, что ее не отправили в детский дом после происшествия. Но читать она не могла, только перескакивала глазами по словам, ожидая, что в комнату ворвется мать и выволочет ее вон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.